

Товстоногов Г. А.

Г. А. 87

Георгий Товстоногов:

Верю ли я, что искусство способно благотворно влиять на жизнь общества? Да, верю!

Мы нетерпеливы. Мы хотим, чтобы все, что должно свершиться в результате перестройки, уже свершилось. Понять наше нетерпение можно — слишком долго мы жили под гнетом полуправды, но все равно надо быть реалистами. Много легче строить заново, нежели переделывать. Сложившееся, укоренившееся сильно стабильностью в любой сфере.

Возьмем хотя бы нашу — наши периферийные театры, о которых столько говорено и написано. Все согласны: их сегодняшнее существование противостоит естественному, его надо менять, но тут же возникает немало проблем и самая драматическая — судьбы людей. Как быть тем, кто останется вне стен театра? Ведь надо жить, надо кормить семью, а для этого приобретать новую профессию. Это не просто даже для молодых, а если тебе пятьдесят или больше?

Я говорю это не к тому, чтобы вздохнуть и оставить все, как есть. Не стоит забывать, что творческая жизнь требует творческого риска и не может дать твердых гарантий успеха. Мы долгое время мечтали о самостоятельности, о возможности принимать компетентные, идущие на пользу решения, так неужели спасем, обоимся трудов, ответственности и выпустим свое дело из своих рук? Капля точит камень, уподобим-

ся ей и будем действовать умно и терпеливо, настойчиво.

Когда меня спрашивают, верю ли я, что искусство способно благотворно влиять на жизнь общества, я отвечаю утвердительно: да, верю. Если бы не верил, не стал бы, не смог бы столько лет им заниматься. Но главное не во мне и даже не в том, что история искусств многократно подтверждала свою власть над людьми, над их представлениями не только о добре и зле, но и о самой жизни. Главное в сегодняшнем жадном и все увеличивающемся интересе, с которым все наше общество отозвалось на правду, что пришла к нему не только со страниц партийных и государственных документов, но была явлена искусством. Литературой.

Написал о жадном интересе и тут же поймал себя на мысли, которая не дает покоя. То и дело приходится читать и слышать, что журналы наши не соблюдают чувства меры, что с особой охотой публикуют романы, рассказы, повести, стихи не о сегодняшнем дне, а о том, что хоть и было, но прошло. Что, поступая так, они, журналы, сбивают с толку молодых, растрavляют раны, вольно или невольно умалчивают о наших достижениях. И прочее, и прочее в том же нелепом духе. Но при этом, заметьте, не отваживаются, не смеют утверждать (а ведь отваживались и смели), что печатаются вещи конъюнктурные, лживые, антихудожественные. Что вообще не нужны (а были не нужны) ни Платонов, ни Гроссман, ни Пильняк, ни Рыбаков — рад, что могу назвать еще

немало имен и произведений, которые вызывают глухое, невнятное, но явно недоброжелательное отношение «собратьев» по перу.

Не читателей, о чем недвусмысленно свидетельствуют возросшие тиражи журналов, но именно «собратьев». Профессионалов.

Легче стало бы на душе, если бы мог объяснить происходящее элементарной ревностью к чужому успеху, боязнью неизбежного сравнения и собственного, столь же неизбежного проигрыша. Но, по-моему, все гораздо тревожнее и уходит корнями как раз в то время, в те времена, когда правда почиталась ложью, а ложь правдой. Только что прочел в «Знамени» стихи Александра Яшина:

Как мы преступно мало знали,
Да что скрывать — боялись знать,
Пойми теперь, когда нам лгали,
Когда мы сами стали лгать,
— не в них ли ответ?

Научились лгать и разучились видеть реальность и, вместо того чтобы безбоязненно сказать себе об этом, занялись самоутверждением. За счет других в первую очередь. К чему это приведет, понять нетрудно: к отторжению от сегодняшней жизни, от ее великих революционных свершений, к собственному творческому бессилию.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
АРХИВ КНИЖНОГО ЦЕНТРА